

"Слушайте, товарищи потомки, Агитатора, горлана-главаря. Загулаша поэзии потоки, Я шагну через лирические томики, Как живое с живыми говоря".
Владимир Маяковский "Во весь голос"

СУЩЕСТВУЕТ УСТОЙЧИВЫЙ культурологический термин "ревущие двадцатые", roaring twenties, означающий эру джаза, техники, урбанизма и динамики. Это американское словосочетание применимо и к Европе, и уж тем более к Советской России, где в 1920-х кричало и даже орало буквально всё и вся: вожди на трибунах, актёры "Синей блузы", лоточники от Моссельпрома, поэты на диспутах, члены учкомов и месткомов. Гремели марши. Наплывало танго из фешенебельного ресторана для нэпманов. Бил барабан пионерского отряда. "Это время гудит телеграфной струной", — констатировал поэт-современник. Всё двигалось в каком-то волшебном ритме, пахло бензином, салонной ваксой и духами Coty, привезёнными торгпредом для фифочки. Беспорядочная нищета смешивалась с нэпманским шиком. Звучал сам воздух. Клаксоны и патефоны, заводские гудки, трамвайная трель, шум примуса. "Они нарочно заводят примус, чтобы не было слышно, как они целуются. Но, вы поймите, это же глупо. Мы всё слышим", — признавалась наивно-голубоглазая героиня "Двенадцати стульев".

Плакат «Новый быт». Художник Любовь Милеева. 1925 г.

Тогда бесперебойно говорили-вещали-жгли глаголами, и слово считалось оружием — как у Владимира Маяковского: "Оружия любимейшего рода". Сказано о поэзии, которой сделалось так много, что в редакции газет и журналов приходили мешки посланий от безвестных поэтов (эту общепородную страсть злобно высмеивали наши сатирики!). Символ 1920-х — каков он? Локомотив? Радиомант? Аэроплан? Хрестоматийный примус? Голос и логос! Именно к этой теме обращён проект "Логос конструктивизма" арт-площадки "Зотов". Этот музей, открывшийся в прошлом году в здании бывшего Хлебозавода № 5 имени Василия Зотова, уже получил широкую известность как центр по изучению и популяризации русского авангарда. Их предыдущая выставка посвящалась формообразованию конструктивизма, а эта — его словесному выражению.

ПРЕДЪЯВЛЕННЫ ПЛАКАТЫ и обложки прессы, аудиозаписи и кинопродукция, эскизы и макеты. Мы погружаемся в атмосферу 1920-х — ревущих двадцатых — с их экстравертностью и коллективизмом. Итак, язык времени. Жар восклицательных знаков, которые звали и требовали. Иди на стройки социализма! Выше темпы! Приобретай журналы в киосках Центрпечати! Питайся на фабрике-кухне! "Книги — тут!" — коллаж Александра Родченко с Лилей Брик в образе зазывалы, разумеется, присутствует в экспозиции. Бескрайнее "Даёшь!" как идея. "Врага обломали угрозу, / и в стройку перенесён громовый, / набатный лозунг. / Коммуну вынь да положь, / даёшь непрерывность хода! / Даёшь пятилетку! Даёшь — пятилетку в четыре года! / Этот лозунг расти и множь", — восклицал Маяковский. Перед нами не только плакаты с коротким призывом, но и реклама журнала "Даёшь", в котором подрабатывали и Родченко, и Дейнека.

СТРАСТЬ К НОВАЦИЯМ

Выставка в Центре «Зотов»

в избы-читальню. Вот макет избы-читальни конструктивиста Антона Лавинского. Эффектная и сугубо городская по виду постройка, она куда как больше понравилась бы мэтру из Баухауса, чем неграмотному пейзажнику. Приобщение к передовым течениям шло грубовато — пахари, едва научившемуся читать, выдавали не сказки Пушкина, а сборник статей по земельному вопросу или ещё какую-нибудь переписку Энгельса с Каутским.

С 1918 по 1932–1933 годы царило изобилие печатной продукции — то был настоящий издательский бум. Царила небывалая свобода слова, запрещены лишь контрреволюционные мерзости, и выходило буквально всё: от завалявшихся мемуаров такой-то екатерининской фрейлины до практических советов по созданию радиокружка в среднеазиатском ауле. Книги продавались тоннами. То и дело возникали и закрывались газеты-журналы, а среди архитекторов и дизайнеров были часты конкурсы на создание газетных киосков. Вот один из макетов по эскизам Александра Родченко —

это остроугольное сооружение, чем-то напоминающее корабль под алым парусом.

На выставке огромное количество обложек с уникальными иллюстрациями, броскими шрифтами и коллажами. Эту технику русские конструктивисты позаимствовали из французского дадаизма, но сделали из неё культурно-идеологический тренд. Сопроводительные стенды рассказывают о своеобразном "языке" фотоколлажей 1920-х, о том, что фрагменты, вырванные из контекста, приобретали новые смыслы, когда сливались в пространстве коллажа.

В ходу искусство прямого действия. Популярные площадные театры, где разыгрывались сценки на актуальные темы: о борьбе за качество продукции, кознях мирового капитала, буднях комсомольцев из дома-коммуны, кулацких заговорах и так далее. Бытовал "живой газетный театр", и на стенде мы видим брошюру, повествующую о его организации. "Эй, синеглазые! Рейте!" — обращался к своим друзьям из театра "Синяя блуза" Владимир Маяковский.

В построреволюционное десятилетие вполне допускались открытые дискуссии, причём не только между конструктивистами и неоклассиками, но и между Художником и Властью. Так, явлена афиша, приглашающая на диспут Маяковского с Луначарским. Здесь же мы видим фото с выступления "агитатора-горлана-главаря" на одном из таких сборищ. В те годы и всеильные наркомы, и власти-тели читательских дум ходили среди народа, не нушаясь общения и не создавая вокруг себя ореола сакральности.

Отсюда выступления ораторов по всякому поводу, митинги, шествия, где вожди, спустившись с трибун, шли в ногу с массами. Оформление грандиозных мероприятий — ещё одна увлекательная страница выставки. Перед нами эскизы, макеты, фотографии. Мелькают знакомые имена: Родченко, Фомин, Маяковский. В этой связи небезынтересен состав участников: дизайнер-фотограф, архитектор и поэт. В 1920-х реализовывалась идея о синтезе искусств, подразумевавшая всеохватность, и никого не смущало, что поэт рисовал карикатуры, а фотограф делал градостроительные наброски.

ЛОГОС КОНСТРУКТИВИЗМА — это радиоголос. Маяковский писал: "Была бы небывалей мечта! / Сказать, так разве-сили б уши! / Как можно в Москве читать, / а из Архангельска слушать!" Радиоприёмник был точкой помешательства всей молодёжи, и на одном из выставочных экранов можно увидеть документальную съёмку: симпатичные, модные девушки в научных приоб-общаются к "новейшему звуку". Вот чудо техники — РТГ Л2 1929 года (Л2 — это двукламповый). Издавались журналы для профессионалов и любителей, говорилось о возможности обучения по радио. Этот аналог современного онлайн-а был опробован при поддержке Наркомпроса — рекламу Засночного рабоче-крестьянского университета по радио также находим среди экзпонатов. "Бубли миллионом своих языков, радио-агитатор!" — подытоживал Маяковский.

Любая общественная встряска порождает изменения в обиходном языке, а Революция создала повод для тектонических сдвигов в этой области. Ещё в начале 1910-х шли поэтические и всё боль-

ше эстетские опыты словообразования — экспозиция содержит небольшой раздел, посвящённый Ветимиру Хлебникову и Алексею Крученых. Однако же "кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки", как именовал их Маяковский, остались на периферии темы, хотя по сию пору заслуживают исследовательского пыла.

Новояз Совдепа (sic!) должен был отвечать главному требованию — быть кратким и звонким. Даёшь аббревиатуры! ВКП(б), комсомол, ревком, промфинплан и фининспектор, коммунхоз, ВХУТЕМАС, Наркомпрос и, конечно же, всем памятные шкрабы — школьные работники. В "Республике ШКИД", само название которой содержало аббревиатуру, мальчишки звали своих учителей Викинскор и Косталмед, что в переводе с "тогдашнего" на привычный означало Виктор Николаевич Сорокин и Константин Александрович Медников.

"Взвод красноармейцев в зимних шлемах пересекал луку, начинавшуюся у магазина Старгико и тянувшуюся вплоть до здания губплана", — так звучит стандартное предложение из романа "Двенадцать стульев", и далее идёт сетование старорежимной дамы: "И названия у этих магазинов самые ужасные. Старгико!", то есть Старгородский государственный и кооперативный магазин.

Иные функционеры так увлекались аббревиатурами, что выходило невразумительное. Те же Ильф с Петровым, играя словами, придумали "Мебельные мастерские Фортинбрас при Умслопогасе", намекая, что эти имена (Фортинбрас — шекспировский персонаж, а Умслопогас — негритянский вождь из приключенческого романа Генри Хаггарда) смеивают на ВХУТЕМАС и подобные нагромождения букв.

Крохотный залышек, вернее, кабинет экспозиции повествует об Институте живого слова (ИЖС) в Петрограде. Ещё одна примета 1920-х — формирование учебных заведений, куда, во-первых, принимали без экзаменов, а во-вторых, бесплатно или за символическую денежку (в пору военного коммунизма с 1918 по 1921 год вообще могли заимать полено дров за лекцию). Эти вузы были экспериментальными, а потому образование в них давалось фрагментарное, одностороннее и феерическое.

Учащиеся могли получать великолепные знания в области искусств, но при этом до конца жизни писали с грамматическими ошибками. Не имелося единой базы, отрицались любые стандарты. В преподавание шли самые разные люди: от рассеянных чудотенев до вчерашних гимназистов, — и когда в начале 1930-х общество затребовало крепких профессионалов, то выяснилось, что их так и не вырастили в должном количестве.

Тем не менее в тех заведениях были удивительные программы. Так, в Институте живого слова исследовалось влияние звуков на психику, и агитаторам предлагалось тщательно фильтровать речь от аудиально-неприятных сочетаний. Там готовили ораторов, педагогов и даже сказителей народных легенд. Для каждой категории — свои речевые обороты и даже свои "частоты". С Институтом сотрудничал сам Луначарский, читая лекции.

Как и большинство подобных замыслов, ИЖС продержался недолго и в 1924 году был упразднён, а на его базе открылись Государственные курсы агитации и техники речи. На выставке мы знакомимся с материалами Института, можем послушать стихи в специальных наушниках и увидеть фотографии выпускников.

СТРАСТЬ К НОВАЦИЯМ коснулась и музыки. Ветимир Хлебников ещё в 1915 году предлагал создавать "гармонии", где ведущим звучанием будет гул промышленных городов, а зодчий Иван Леонидов в своём интервью журналу "Современная архитектура" за 1929 год убеждал читателей, что по радио надо запускать не песни, а шумы автомобилей, станков, грохот строительства и голоса прохожих. На вопрос корреспондента: "Если отрицать музыку, то что слушать в радио?", архитектор ответил кратко: "Жизнь". Представлена "Симфония заводских гудков" Арсения Авраамова — типичное порождение времени. На шестилетие Октября московские предприятия салютовали своим протяжным гулом. Это сопрягалось с пением революционных песен и пальбой орудий. К счастью, эти "прорывы" так и остались в мечтах, а советского человека принялись потчевать старинной классикой.

Выставка "Логос конструктивизма" обширна. Здесь и картины футуристов, и супрематические зарисовки, и редкая хроника. Экспозиция такова, что она в состоянии понравиться и профану, и профи. Так, первый найдёт, чему удивиться, а второй — чем пополнить свой багаж представлений. Сочетание общезвестного с небанальным — это любимый приём всех московских кураторов-организаторов. Так что: "Вперёд!", — как сказали бы в 1920-х годах.

Галина ИВАНКИНА

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРАВИТ, НАРОД ЖИВЁТ...

Советы Константина Аксакова русскому царю

Чего сегодня не хватает всем нам в России? Философии. Когда-то философия была универсальной формой западной культуры, но потом она перестала быть ею и стала привычной формой самостояния всякого человека в области мышления. Философ Константин Аксаков полагал, что для русских философия всегда будет философией возвращения домой к самим себе, к таким, какие мы есть.

Аксаков дважды пытался приобщить царей к философии. И оба раза неудачно. Не увидели они в нём Вольтера, просветителя монархов. Почему-то не прививается русская философия к русским царям. Никакого самостояния в мысли у них не получается. Напротив, своих просветителей власть постоянно берёт под подозрение, а некоторых, как Ю.Ф. Самарина, даже на короткое время смогла посадить в тюрьму. Аксакова в тюрьму не сажали, но газету "Молва" закрыли.

РУССКИЙ ТУРОК

В Константине Аксакове русская кровь смешалась с турецкой. Его отец — Сергей Тимофеевич Аксаков. Мать — Ольга Семёновна Заплатина — была наполевиной турчанка. Бабушка Аксакова принадлежала к роду, мужчины которого могли носить зелёную чалму, а женщины — зелёное покрывало, потому что этот род восходил к пророку. Сама она попала в Россию двенадцатилетней девочкой после осады Очакова русскими войсками. Здесь получила воспитание и вышла замуж за военного, ставшего генералом. Родила дочь — мать Аксакова, правдолюбку, патриотку и православную.

УНИВЕРСИТЕТ

В 1832 году Аксакову исполнилось 15 лет, и он поступил в Московский университет. По странному стечению обстоятельств в этом же году из университета был отчислен В.Г. Белинский. За что? За частые болезни и, следовательно, пропуски занятий. На самом деле все понимали, что его отчислили за критику крепостного права.

Чему учили Аксакова в университете? По его воспоминаниям, "профессора преподавали плохо, студенты не учились и скорее забывали то, что знали прежде". Профессора университета были неподсудны. Студенты делали что хотели. Они могли вызывать на свои собрания преподавателей и деканов и требовать у них отчёта.

Большую часть времени Аксаков проводил на вечерах у Н.В. Станкевича, где "выпивало", — по словам С.А. Венгерева, — страшное количество чаю и съедалось страшное количество хлеба". Что делали на вечерах у Станкевича? Изучали философию Гегеля. "Человек", — говорит П.В. Анненков, — не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что несуществующим человеком".

Вот пример гегельянского рассуждения Аксакова: "Определить явление как момент литературы, определить смысл его деятельности, мы поняли его самого в себе, in abstracto, то есть момент получает действительность, конкретируется, и если уже это исторически полный момент, то он является конкретированным".

В кружке Станкевича изучали этапы движения всемирного духа. Что это за дух, было не очень понятно. Предполагалось, что каждая нация воплощает его по-своему. Наиболее адекватно оно, конечно, воплощается в Германии. По словам Н.А. Бердяева, славянофил Аксаков вообще полагал, что русский народ специально призван для того, чтобы понять философию Гегеля.

РАЗРЫВ С КРУЖКОМ СТАНКЕВИЧА

Вот ходил Аксаков на занятия в этот кружок, ходил, слушал, слушал, а потом и говорит: "Всё. Хватит. Надоело. Я не с вами. Давайте прощаться". А у самого слёзы на глазах. И у Белинского — слёзы. Обнялись они на прощание, расцеловались и пошли в разные стороны. Белинский — налево. А Аксаков — направо. Объясняя мотивы разрыва, Белинский говорил: "Я по натуре жид". А Аксакове же сильно почва. Он русский.

Аксаков охотно верил, что общечеловеческая культура находится в Европе. И было бы хорошо, если бы Россия стала высшей ступенью развития этой культуры. Но что для этого нужно было сделать?

Для этого нужно было развить в русском человеке чувство собственности. Развить это чувство — значит дать дорогу капитализму. В свою очередь капитализм собирает вокруг себя людей в общность, именуюмую нацией. Аксакову решительно не нравился капитализм. Он любил землю, которая собирает людей в общину. Европа породила нации. Россия выбрала общину. В Европе труд перестал быть связанным с землёй. В ней он становится абстрактным. В России труд, по мысли Аксакова, непременно должен быть связан с землёй.

Вот написал он о поэме "Мёртвые души", сравнил Н.В. Гоголя с Гомером, а его в кружке Станкевича на сиех подняли. Аксаков это очень переживал. Ему было перед Гоголем стыдно. Нет уж, пусть Белинский пишет. У него это хорошо получается. Зачем мне писать? Я лучше русский костюм надену. И тем всё будет сказано. Сказано — сделано. Аксаков первый надел мурмолку. А за ним уже её надели его отец, А.С. Хомяков и другие. Вот надел Аксаков косоворотку, зипун и мурмолку, заправил штаны в сапоги и пошёл на бал. И его заметили. О нём заговорили. Дословностью поступка Аксакова всё было сказано. Конечно, зипун ему шил французский портной. Но дело не в этом, а в принципе: русскому сподручнее ходить в русском платье.

ОСОБЫЙ ПУТЬ

Аксаков дружил с цензором иностранных газет А.Ф. Томашевским, от которого он в 1848 году узнал о революции во Франции. "Чёрт с ними, с безумными французами, лишь бы нам не потерять от их страсти к революции", — говорил Аксаков. Это настроение он выразил в письме к Николаю I. Что он советовал императору России? Отказаться от императорского именования и называть себя царём. Затем он просил хотя бы косвенно поддержать желание русских людей ходить в русской одежде. В противном случае мода заменит нам в России характер. На всё будет мода. Всё станет временным, случайным. Но самое главное, Аксаков советовал Николаю I порвать связи с Западом. "Отдальтесь от Западной Европы — вот всё, чего нам надо". И ещё одну мысль он внушал царю: "У русской земли свой особый путь". Аксаков пишет: "Помилуйте, говорят многие, неужели вы думаете, что Россия идёт каким-то своим путём? На это ответ простой: нельзя не думать того, что знаешь..."

Неизвестно, получил ли царь его письмо или не получил, но Николай I не поддерживал славянофилов, которые полагали, что "Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны... Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней". В чём Аксаков видел самобытность?

Во-первых, власть везде завоёвывают. К ней стремятся. Русские от неё бегут. У нас её дарят. Она у нас призвана: "Придите и владейте". Пришли и владеют, а мы не бунтуем. Потому что бунтуют рабы, а мы — не рабы. Мы власть над собой добровольно призывали, то есть мы в самом своём истоке обесмыслили протест против власти: "Человек свободный не бунтует против власти, им понятной и добровольно призванной".

Во-вторых, нас отличает вера, православие. Наша вера детерминирует прохождение пути внутренней правды, а не внешней. И в этом смысле мы ближе к Востоку, чем к Западу. Внутренняя правда требует совести. Внешняя правда — права.

В-третьих, у нас между народом и властью доверие, а не договор. И поэтому нам не нужны гарантии

соблюдения договора: "Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра".

В-четвёртых, у нас не было аристократии и демократии. У нас были люди земские и служилые, объединяемые бытом и верой.

В-пятых, у нас не было рыцарства и доблести: "Русский народ не любит становиться в красивые позы". У нас преобладают молитвенная тишина и смирение, но не от слабости, а от веры.

В-шестых, мы единственные среди христиан, кто не поклоняется человеку. Мы — не гуманисты. Для нас человек сам по себе ничего не значит. И Господь возвеличил смиренную Русь, дал ей одну шестую часть суши, дал ей простор на земле. Отчего Европа пришла в тайный ужас.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРУ II

Аксаков следует за Хомяковым во многом. Почти во всём. Кроме одного. Для Хомякова государство — это то, что ведёт человека к нравственному совершенствованию. Для Аксакова "цель государства — сделать ненужной власть".

Николай I умер. Пришёл Александр II, и его нужно было ввести в курс дела. Вот Аксаков его и вводил. И первое, что он сделал — это сообщил ему об открытии, сделанном славянофилами: у русского человека нет воли к власти. "Русский народ есть народ негосударственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не жаляющий для себя политических прав..." Политика для него является чем-то трансцендентным. Внешним. То есть она тождественна изобретению случайных правил, с которыми должны согласовываться действия людей. Внешнее восприятие власти накладывает ограничения на способ существования самой власти. То есть власть узнаётся русским человеком как власть, если она неделима. И неограниченна. Власть делить нельзя, потому что если мы её делим будем, то исчезнет предмет внешнего восприятия, и русский человек не увидит во власти — власть. И проявится тогда его негосударственность. А в ней — хаос внутренних состояний. Европейская культура знает о неделимости добра и истины. Русская культура растворила в себе представление о неделимости власти. Ограничение власти создаёт возможность для упоки власти, для безответственности политика, который всегда может сказать: это не я, это не в моей власти.

Русский человек не признаёт политической невеняемости и бессубъектной политики. Только субъектный дискурс власти готов в любой момент ответить на вопрос: кто говорит? Аксаков допускает возможность безгосударственного существования человека. Вот славяне. Нет у них внутренних причин для существования государства. Они мирно живут на земле. Но соседи у них неугомонные. Налетят они, нападут и уберут. Вот и призвали славяне к себе государство. Для защиты. Но "политическое устройство не сделало... целью". А "что же хочет русский народ для себя?" Неполитической жизни в семье, в общине. Мы хотим быта. Быт — наше бытие. Вот что должен знать царь. А быт — это не повседнежность. Это условие того, чтобы наши поступки вытекали из наших внутренних состояний. Это пространство поступления, действия, основанного на человеческих качествах. В Европе быт основан на действиях человека без свойств. В нём действие вытекает из юридически мотивированных правил, и поэтому оно кажется безгрешным. Но не потому люди безгрешны, что нет у них греха, а потому, что в них нет чего-то человеческого. Им недостаёт поступка, вытекающего из внутренних состояний. В Европе есть норма и отклонение от нормы. В России есть патология, то есть столкновение внешнего действия с внутренним поступком. Чтобы устранить патологию, нужно отказать от дуальности внешнего и внутреннего. И выбрать что-то одно: либо государство, либо общину. Но сделать это мы не можем. Потому что без государства русский человек — сирота, нуждающийся в помощи, в опоре, в защите. Без земли, без внутреннего русского человека — это уже не русский, а оставленный Богом. Если бы люди были святы, то им не нужно было бы государства. Ведь естественно, если чело-

век стремится к нраву, к Богу. И неестественно, если он стремится к власти, к праву. "...ради слабости и греховности людской необходим закон внешний, необходимо государство, власть от мира сего". То есть государство — не цель. Цель — Бог. Ну а если нельзя существовать без государства, то давайте ему всю власть отдадим. Не будем мы её делить. Либо нам не надо никакой власти, либо же она должна быть неделима и неограниченна. Потому что если её разделить, то она расплывётся по всему миру, между всеми людьми, проникнет во все феномены. Всё станет политикой, хотя "призвание человека остаётся всё то же, нравственное, внутреннее".

Различение быта и политики, земли и государства удерживается Аксаковым и в его представлениях о свободе и языке. Свобода является негативным понятием. Это установил ещё Хомяков. Но вот факт сцепления свободы и политики как метку внешнего пути подметил Аксаков. То есть Европа соединила политику со свободой. Ей важна политическая свобода. Россия соединяет свободу с бытом. Нам важна бытовая свобода, потому что "свобода политическая не есть свобода", а есть политика. В Европе даже язык становится политиком. И он стремится к власти.

"Велика внутренняя порча России", — говорит Аксаков. Истоки её коренятся в том, что каждый делает не своё дело. Государство вмешивается в быт. А быт проникает в политику. Люди стали бездушными. Хитрость, воровство, взятки — следы этой порчи. "У нас", — говорит Аксаков, — не только те воры, что бесчестные люди... даже в своём роде честные люди — тоже воры".

Что же должен знать правитель России и что он обязан сделать?

1. Понять Россию и вернуться к русским основам жизни.

2. Знать, что у русских нет воли к власти. И что на этом попроче их опередит любой политически ориентированный человек.

3. Русский желает бытовой свободы, в которую включена свобода жизни, духа и слова.

4. Не должно быть цензуры мысли. Должна быть цензура личности.

5. Правительство — правит. Народ — живёт. Русский быт сохранили крестьяне, а не дворяне. На них нужно и ориентироваться правительству.

Фёдор ГИРЕНКО